

Царство труда

О будущей свободной Россіи мы ничего не знаем. Мы только гадаем о ней, раскрывая для себя и других свои упования. Кое-что в этих гаданіях однако уже приближается к знанію.

Нельзя сомнѣваться, что смѣнить большевиков может лишь демократическое, т.-е. реально облеченное народным довѣріем правительство (какова бы ни была внѣшняя «форма правленія»); что унижительный, навязанный душам автоматизм уступит мѣсто повышенному чувству отвѣтственности, которое в лучших прозвучит, как велѣніе долга; что на нас, нынѣшних «бѣженцев», ляжет в частности миссія возстановленія уцѣлѣвшей старой культуры Россіи, и пропаганда западно-европейской политической и гражданской свободы... Нѣтъ сомнѣнія, наконец, что новая Россія будет страной трудовой.

Что значит это послѣднее утвержденіе? Одни назовут его лишенным смысла: «нетрудовых государств не бывает». Другіе — надуманным, утопическим: «царство трудящихся» существует с тѣх пор, как существует литературный социализм; о «трудовых артелях» и «общинах» чуть не сто лѣтъ тому назад кричали наши народники; о «знамени труда над землей» поют и большевики...

С маленькой экскурсіи в исторію социализма мы и начнем.

— «Труд идеальный источник цѣнности. Воплотим это в жизнь. Конституируем цѣнность. Пусть каждому будут обеспечены заработанное, его!»... — «Ваша трудовая цѣнность уже существует. На ней покоится современное рабство. Чего тут конституировать? Разрушить нужно основанный на трудовой цѣнности строй!»...

Так спорили между собой в 40-х годах прошлаго вѣка ра-

бочий-самоучка Прудон и ученый журналист Маркс — «нищета», захотѣвшая «философствовать» и «философія», пожелавшая представлять «нищету».

Перед нами двѣ морали, двѣ вѣры, два міросозерцанія, пропасть между которыми будет расти. Прудон заговорит о трудѣ — «вѣчном благословеніи» человѣка, Маркс — о «проклятіи труда», снять которое с человѣка призвана, при социализмѣ, машина. Каждый из них, с исторической точки зрѣнія, по своему прав: оба говорят о важном, для данной эпохи жизненном. Но каждый говорит о своем и своим языком — Прудон языком «аскета-работника» о вѣчной моральной цѣнности и правах труда, Маркс — языком революціонера о муках фабричнаго рабства. Прудону предносится образ ремесленника, принужденнаго, в силу конкуренціи, работать почти впустую, Марксу — «пролетарія», продавшаго хозяину свою шкуру. Оба сюжета успѣли устарѣть, почти совершенно уйти в исторію. Теперь на авансценѣ работник крупной промышленности, мечтающій не столько об улучшеніи условій, сколько об измѣненіи характера своего труда — о своей долѣ хозяйской ой отвѣтственности. Соціолог Прудон устарѣл, как и Маркс. Но Прудон-моралист и апостол труда созвучен нашей эпохѣ. Проклятіе человѣка не труд, а унизительное положеніе безответственнаго наемника. Благословеніе человѣка не праздность — физическая и моральная возможность жить без труда, — а трудовая свобода — возможность проявлять и утверждать в трудѣ свою личность. Трудовое напряженіе — цѣль человѣка. Длительная «легкая» жизнь — морально и социалью для него невозможна...

«Бѣдность» — забота о хлѣбѣ насущном (*pain quotidien du corps et de l'âme*) — постоянный удѣл человѣка; угроза «нищеты» встает перед ним при каждом уклонѣ в чревоугодіе и лѣнь (*misère prompte à punir la gourmandise et la paresse*). С каждым поколѣніем наш насущный хлѣб, становясь болѣе сложным и тонким (*plus varié et plus riche*), увеличивает напряженность труда: мы работаем больше, чѣм работали наши отцы; наши дѣти будут работать больше, чѣм работаем мы. Рост труда — это и есть «прогресс»: труд — высочайшая

форма человеческой активности, источник морали, знания и доступного человеку счастья... Так писал в 60-х годах Прудон («Justice dans la Révolution» — «La Guerre et la Paix». Passim). Во многом созвучен ему современный социалист, кровный, как и Прудон, трудовик, де Ман (см. особенно «Au delà du Marxisme»). Он только еще глубже, может быть, и полнее схватил моральный смысл трудовой проблемы.

Но не Маркс ли все-таки прав исторически? Прудону, жившему в дѣтскій період машинизма, было естественно говорить о «бѣдности», как вѣчном побудителѣ к труду, о «нищетахъ», как неизбѣжной карѣ бездѣльника. А теперь, когда машины каждый год отбрасывают, как ненужныя, новыя десятки и сотни тысяч рабочих, когда проблема производства отходит на задній план перед проблемой распределения и социального обезпечения всѣх — работающих и (поневоля) неработающих, — о трудѣ, как непрерывно растущем бремени, говорить уже странно; естественнѣе в ближайшем же будущем, с разрѣшеніем вопроса о распределеніи, ждать скачка в свободное от труда царство, гдѣ труд, как труд (т.-е. обязательное), сведется почти к нулю, а для неисправимо активных сохранится, как спорт. «Труд-спорт» — единственно реальный смысл, который можно вложить вообще в выраженіе «свобода труда».

Вопрос здѣсь двойной: реальна ли подобная перспектива? желанна ли она?

Сторонники послѣдняго взгляда встрѣчаются в наши дни не только среди марксистов. В противоположность «героическому» идеалу «свободы труда», де Ман опредѣляет их идеал, как «райскій» (*idéal paradisiaque*). И в самом дѣлѣ, он приемлем развѣ как райскій, т.-е. с землей не связанный; на землѣ же исчезновеніе труда ведет не к блаженству, а к скукѣ и одичанію, к потерѣ облика человеческого. Историческая судьба всѣх праздных классов и личная судьба огромнаго большинства праздных людей — лучшее тому доказательство. Доказательство и безсиліе величайших поэтов привлекательно избразить земной рай: получалась фальшь, либо скука. Вѣчный

праздник — бессмыслица, как палка с одним концем; подлинный, радостный праздник мыслим только как отдых, только как перерыв труда. Вне труда праздник — праздность, состояние чуждое радости, ведущее к унынию и разврату. И «спортом» труд быть не может. Спорт, если он не профессиональный, т.е. не превратился в труд, есть забава, развлечение. Труд всегда — серьезное, трудное, связанное. Различие определил хорошо Толстой: «Бывает ли, что тебе трудно заставить себя заниматься, не хочется, надоело?» — «Да иногда не хочется, приходится себя заставлять» — «Вот это и значит не игрушка, а настоящее дело»... («Воспоминания» Александры Львовны. «Современные Записки», кн. 49)... Труд может быть (и должен стать) свободным вовсе не в смысле изъятия из него трудности, превращения в веселое проведение времени. Труд всегда борьба, тяжелое усилие, преодоление инерции, — не только внешней природы, но и нашей собственной, живущей внутри человека. «Радость труда» коренится в этом: духовное в человеке, «я», побуждает инертность, «материю» — это радость освобождения. Чем выше активность, дух, тем выше сопротивление, и труд тяжелее, но тем полнее и даваемая трудом радость свободы. Не об этом ли думал Прудон, говоря о «безконечном прогрессе» при бесконечно растущем труде? Не это ли означает «героический» идеал де Мана — «более счастливых, потому что лучших людей»? Свободный труд не тем отличается от несвободного, что он не тяжел: свободный труд может быть тяжелее несвободного, и все же давать человеку радость, а несвободный труд — сравнительно легким, а ощущаться как гнет. «Свободно» трудишься, когда трудишься сам, применяя свои способности, пуская в ход свою волю и разум и даже борясь против себя самого...

Но вернемся к машине. Пусть марксовская «свобода» не есть свобода, но машина то все-таки освобождает нас от труда? Пусть технический прогресс не сулит нам земного рая, но самого факта его, и связанного с ним «освобождения» отрицать, ведь, нельзя? А если так, если тут какая-то дьявольская ловушка, подстроенная для человека, то как ее избежать?

Ломать машины? Налагать узду на науку? Прибѣгать к хозяйственному мальтузіанству?

Есть люди, которые так и ставят вопрос. Для них успѣхи техники, машинизма, есть абсолютное зло — от дьявола. Но тогда и наука от дьявола? А с наукой сам человѣческій разум? а с разумом и человѣческій труд? Труд искони связан с разумом и с орудіем, т.-е. с техникой, ибо гдѣ принципиальная грань между современной гигантской машиной и первобытной сохой? Техника — одна из осей исторіи человѣчества. Прометей — не злой дух, а подлинно человѣческій геній. Нѣтъ, зло не в успѣхах техники, а в отсталости нашей от техники. Мы назадавали себѣ слишком трудных пока для нас задач, рѣшить которыя, во что бы то ни стало, все-таки нужно. Не разрушеніе техники, но овладѣніе ею, приспособленіе к ней организаціи жизни есть истинная побѣда над техникой. Рабочій, перестающій быть «придатком к машинѣ» — символическій образ человѣчества перед лицом заданных ему техническим прогрессом задач. Нѣтъ ли среди них неразрѣшимых? — вот главный вопрос. Не окажется ли, все-таки, когда-нибудь машина настоящим врагом человѣка? Если рѣчь идет о далеком будущем, вопрос лишен остроты: в «далеком» будущем все может измѣниться, самый вопрос о праздности там может оказаться поставленным иначе. В настоящем же и доступном историческому прозрѣнію будущем никаким «освобожденіем от труда» машина нам не грозит. Пока что, машина освобождает нас (общает освободить) лишь от низших, механических видов труда, и это, конечно, не зло, а «благословеніе». Повышается культурный и техническій уровень работника: «придаток к машинѣ», «вьючное животное», «чернорабочій» постепенно уходят из жизни.

Сокращается спрос на труд? Временами, но не только из-за машин. Не всякая продукція и вообще доступна машинѣ: об этом немало говорили и соціологи и экономисты. С ростом культуры такія отрасли множатся и растут. Да и по отношенію к старым, «низшим» и механическим, отраслям производства мы очень еще далеки от «рокового предѣла». Сколько каналов на землѣ не прорыто! Сколько болот не осушено, «Сахар» не оро-

шено! Сколько миллионoв людей погружено до сих пор не только в «бѣдность», но в настоящую нищету! Пресловутый кофе, сожженный в Бразилии, мог, вѣроятно, быть потреблен в один день людьми, которые в нем нуждались.

Мы коснулись здѣсь общей проблемы социализма. В тему нашу входит только моральная ея сторона. Сводится ли социализм к новой организации собственности, к упраздненію наемнаго труда, к хозяйственной демократіи, к утвержденію «соціального права»? Нѣтъ: мыслим случай несоціалистической «соціальной республики» — полной, но лишь формальной «отмѣны капитализма» (в том приблизительно смыслѣ, как «формальна» современная демократія). Можно утверждать законом свободу рабочаго, ввести коллективную (и даже «соборную») собственность, демократизировать производство, а душу капитализма все-таки не убить, тоску по «соціалистическому» (братскому) строю не ослабить. Случай, конечно, теоретическій: на практикѣ «дух» общежитія в какой-то мѣрѣ за «матеріей» слѣдует, и ею поддерживается, но все-таки в «духѣ» — суть, все-таки не «форма» является цѣлью. Социализм, по слову де Мана, «больше политики»: он есть «моральное устремленіе»... И это не частное мнѣніе де Мана: это историческій факт. Вниманіе официальнаго, партійнаго, социализма всецѣло приковано как будто к «матеріи» — к вопросам собственности, плановаго хозяйства, законодательства, но не надо забывать, что у всѣх духовных вождей социализма, его «классиков», образ новаго, преобразеннаго человека фактически был поставлен на первый план: то это был «индустриал-трудовик», вытѣснившій празднаго «буржуа», то «новый христіанин», осуществлявшій заповѣдь любви служеніем «бѣднѣйшему классу», то «гармонистическій» человек, свободной игрой страстей влекомый к «радостному труду», то «пролетарій», по своему «антибуржуазному» образу перестраивающій весь мир...

Свыше столѣтія социалистическими умами владѣла идея «соціальной революціи», как подлиннаго преобразенія міра. Сейчас она полиняла и потускнѣла, но остатки ея паюса до сих пор согрѣвают социалистических старовѣров. «Правые»

соціалісты держатся за них, как за послѣднюю грань, отдѣляющую их от «политиков-буржуа». Соціалистическая «классовая борьба» тоже не будничная борьба интересов: вѣрующіе влекутся к ней, как к пути обновленія міра; под именем «классов» в ней мыслятся два моральных міра.

То, что большевицкая «классовая борьба» при пышности внѣшней терминологіи, лишена паѳоса преображенія и не поднимается, фактически, над психологіей пресловутой кухарки — «я на тебѣ стряпала, теперь ты на менѣ постряпай» — доказывает только, что соціалистическаго-то именно в ней и нѣтъ ничего — что она насквозь «буржуазна»...

Опыт ленинизма иллюстрирует крах «Соціальной Революціи», как соціалистическаго призыва. Революція (насиліе) и соціализм (строительство) — духовные антиподы. Иностраннй микроб этот был привит соціализму марксизмом (не им одним), и долго прививка казалась благотворной — лѣкарством против «мѣщанства». Опыт с Россіей разбил иллюзію: «мѣщанским» был сам микроб. Опыт опроверг не соціализм, как часто теперь говорят, а его ложный, несоціалистическій путь. Большевизм предупрежденіе: вот во что неминуемо превращает соціализм революція и марксизм, воплотившійся в дѣло. Именно революціонное «обаяніе» и дѣлает коммунизм самой опасной для новой жизни, реакціонной силой. Соціализм — вѣра — немислим без паѳоса, но чтобы найти свой собственный паѳос — свободное творчество, — он должен исцѣлить себя от чужеродной, ядовитой «изюмины» — вовсе не страшнаго капитализму паѳоса разрушенія и насилія. Новую моральную силу несет человѣчеству свободный труд. Знамя обновленія есть трудовое знамя. «Новое общество» есть «царство труда».

У большевиков «знамя труда» обернулось невольничьим флагом, «трудовое царство» — безрадостной каторгой. Это страшная для Россіи правда. Но не закроем глаз на другое. Непомѣрной цѣной что-то все-таки куплено. В опытѣ «вживисекціи» участвовал сам народ. Идя за большевицким знаменем, он меньше всего мечтал, конечно, о строительствѣ пирамид: шел потому, что не хотѣл «помѣщика» и «хозяина»,

думал жить от своей земли, своей волей — идеал его был трудовой. На смѣну помѣщику явился погонщик, но прежняя страсть не исчезла. Напротив: изнуренный безпросвѣтным бездѣліем, каторгой «заготовок», кривляньем «ударничества», ни о чем, послѣ «своего» куска хлѣба, не мечтает так страстно русскій крестьянин, рабочій, интеллигент, как о производительном, собственной волей и разумом, направленном, свободном трудѣ. Страсть к нему, доведеная до религіознаго напряженія и создает в Россіи «царство труда» — не марксистскую диктатуру «трудящихся», а именно царство труда — его самого, как единого и всепроникающаго источника достоинства, свободы и чести. Прошедшая через муки російская «кухарка» побѣдит в себѣ и «кухарку» и «барыню». Пробужденіе к труду будет моральным воскресеніем Россіи, побѣдой духовности. Убѣжденіе де Мана («*A u d e - l à d u M a r x i s m e*» 431) в неминувости возвращенія масс «от матеріалистическаго цинизма к религіозному рвенію», раньше всего может оправдаться в «распятой за грѣхи всѣх» Россіи.

Ив. Херасков.